

дев чужака, они замерли и, раскрыв рты, неподвижно уставились на меня. Я страшно перепугался и пожалел, что вообще полез в это логово. Но потом подумал, что раз уж я здесь, значит, надо суметь благополучно выбраться на свободу. Глядя на эту Обезьяну, мне показалось, что размером она побольше Волка Изегрима, а ее дети будут покрупнее меня. Ну и семейка! Обязанные каким-то тряпьем, все в нечистотах, они лежали на прогнившей соломе, а какая там стояла вонь! Я чуть было не задохнулся. Однако я понимал, что для своего же блага говорить надо приветливо, и начал так:

„Милая тетушка, доброго дня тебе и твоим прелестным деткам, моим кузенам! В жизни не встречал таких чудесных малюток! О, как же они милы, как веселы и любезны! А лицами – так настоящие принцы! Воистину они – гордость всего нашего семейства. Тетушка, едва я прослышал, что ты недавно разрешилась, как тотчас же захотел тебя проведать. Извини, что не смог прийти раньше“.

„Добро пожаловать, Рейнард, – ответила она. – Благодарю, что навестил меня. Ты правдив и честен, умен и смекалист, как всем известно, ты не опозоришь свою семью. Потому прошу тебя, обучи моих детишек своим премудростям, чтобы они всегда знали, что следует делать, а что – нет. Возлагаю на тебя все надежды и потому, что ты возвращаешься в высшем обществе“.

О-о, у меня просто отлегло от сердца, когда я услышал такие слова. Но я и сам хорошенько постарался, сразу назвав ее тетей, хотя она вовсе мне и не родня. Настоящая моя тетушка – это госпожа Рюке-нейв, кого вы все видите здесь, которая растит и воспитывает своих чудесных деток.

„Тетушка, – отвечаю я тогда, – моя жизнь и мое добро – все в твоём распоряжении. В любое время дня и ночи я сделаю для тебя все, что только пожелаешь, и научу твоих деток всему, что знаю“.

А у самого уже дыхание перехватывало от их вонючки. К тому же я ни на минуту не забывал, что меня снаружи поджидает голодный Изегрим. И тогда я сказал:

„Тетушка, засим оставляю тебя и твоих прелестных деток в руках Божьих, а сам откланиваюсь. Боюсь, меня дома уже заждались жена“.

„Любезный родственник, – говорит тут она, – ты не можешь уйти, не отведав нашего угощения, так не поступают добрые родичи“.

С этими словами она поднялась и провела меня в соседнюю комнату, где обнаружили такие запасы еды, что я только диву давался, откуда они там взялись. Отведал я и фазанов, и куропадок, и всякой иной дичи. А когда я наелся до отвала, она дала мне еще с собой жирную ногу, чтобы я отнес ее жене и детям. Мне стало стыдно, но не мог же я отказаться. Поблагодарив ее, я попрощался, а она стала приглашать меня навещать их, что я и пообещал. После чего я с легким сердцем поспешил в обратный путь, к Изегриму, который лежал на земле и выл. На мой вопрос о его самочувствии он ответил, что чувствует себя отвратительно, и странно, что вообще еще жив.

„Ты принес какой-нибудь еды? – спросил он меня. – Я умираю с голоду“.

Тогда, сжалившись над ним, я отдал Волку тот кусок, что унес с собой, и тем спас ему жизнь. Он стал горячо меня благодарить, а теперь вот затаил на меня зло.

Съев все подчистую, он спросил меня:

„А скажи-ка, родич Рейнард, что там, в этой норе? Об этот кусок, который только раззадорил мой аппетит, я всего лишь поточил зубы“.

Тогда я сказал ему:

„Дядюшка, смело иди в пещеру, там огромные запасы еды. Там лежит моя тетушка со своими детками, и, если только ты станешь плести небылицы, обходя правду стороной, ты получишь все, что пожелаешь. Но одно только слово правды может дорого тебе обойтись“.

Скажи, милорд, я ведь вполне ясно выразился, что надо говорить обратное тому, что думаешь. Но мудрость и понимание не свойственны грубому мужлану, поэтому тонких намеков они не понимают. Это непосильно для их умишек. Тем не менее Волк был полон решимости идти в пещеру и выдумывать такие небылицы, о которых никто еще и не слыхивал. Он отправился в эту грязную вонючую дыру и встретился там с гориллихой, с этим исчадием ада. И увидел троих ее детишек, всех будто вывалянных в грязи, и завопил во весь голос:

„О-о, что это за исчадия ада! Какие чудовища! Да их сами черти в преисподней испугаются. Топить надо таких страшилищ, потому что от них добра не будет. В жизни не видел таких уродов, у меня даже вся шерсть дыбом встала“.